

НЕРЖАВЕЮЩЕЕ ОРУЖИЕ

Встречи с Ярославом Галаном

...ПИСАТЕЛЮ - КОММУНИСТУ Ярославу Галану был органически чужд и противен любой национализм, в какие бы одежды он ни рядился. Потому-то Галан повел с ним ожесточенную борьбу еще со времен своей юности. Он понимал, что национализм увлекает человека в болото тупости, хуторянской ограниченности, замыкает его внутренний мир в очень узких пределах, не позволяет воспользоваться всеми теми богатствами, которые веками создавала общечеловеческая культура.

Галан понимал, что так же, как и религия, национализм обкрадывает человека, рождает интеллектуальную отсталость, ограниченность и безволие. Потому-то всю свою сознательную жизнь он разоблачал происки мессий национализма и религии, которые в своей практике, особенно в Западной Украине, были тесно связаны друг с другом.

Во Львове я более пяти лет наблюдал борьбу Галана с нашими идейными противниками. Не скрою, завидовал его знаниям, его эрудиции, его широкому культурному диапазону. Меня всегда удивляло, как подпольщик и революционер Галан, находившийся столько лет в условиях полицейского надзора, смог столько узнать, прочесть, изучить.

В предпоследнюю осень перед его трагической гибелью нам довелось провести вместе свой отдых в Доме творчества в Коктебеле, в одной маленькой комнатке корпуса, стоявшего на отшибе и называемого «Кораблем».

Рядом жили писатели Мариэтта Шагинян, Борис Лавренев, Степан Злобин, художники Кукрыниксы и другие интересные люди. Днем Галан проводил с ними часы на пляже, в прогулках, в беседах. Но зато, когда темнело и в небе над Карадагом выспали звезды, наступало наше с ним время.

Одно дело, когда вы встречаетесь со знакомым, с другом-единомышленником на коротке, в сутолоке повседневной жизни, или даже за кружкой чудесного львовского пива или за чашечкой крепкой «кавы», которую очень любил Галан, и совершенно другое дело, когда ваши койки стоят рядом в узкой палате и ветер доносит с моря шуршанье волн, набегающих на каменистый берег, а в небе стоит полная луна и сюда из виноградников доносятся скрип цикад и пение сверчков, и вся ночь у вас впереди.

О чем мы только ни говорили в такие бессонные ночи! В наших беседах звучали имена Эль Греко, Матейки, Брюллова, мы говорили о сокровищах Сикстинской капеллы, которые Галан видел собственными глазами, а я тогда только мечтал об этом. Галан мысленно широко, масштабно.

Однажды на целый день с раннего утра Галан исчез, и я, призадумав, побавившись, не случилось ли чего с ним в горах. Оказывается, пренебрегая завтраком и обедом, Галан на грузовике Дома творчества уехал в Феодосию и добрую половину дня провел в картинной галерее Айвазовского. Потом во время наших ночных бдений он с восхищением рассказывало шедевра знаменитого русского живописца-мариниста, сравнивал неко-

торые из них с полотнами Тернера, говорил, как должна быть благодарна Россия таланту Айвазовского, оставившему ей в наследство такие бесценные сокровища.

И кто мог предположить, что уже в те дни наемные фанатики-убийцы из националистического охвостья острят у точильщиков на Галликом базаре во Львове топоры, ведут глубокую разведку его дома на Гвардейской и, изучив все подступы к нему, ждут его возвращения, чтобы обрушить на голову писателя одиннадцать ударов. Десять из них оказались смертельными. Это было в полдень 24 октября 1949 года.

...В своем чемодане Галан привез в Коктебель несколько книг, массу материалов, документов, по-видимому нужных ему для работы. Однажды, когда мы прятались от проливного дождя на веранде «Корабля», он, порывшись в своих материалах, подошел ко мне и сказал:

— Вот, полюбопытуйтесь, какую драматургическую пачкотню изготавили националисты в Кракове. Мне это в 1940 году привез мой знакомый по Краковскому университету, разочаровавшийся в украинском национализме (он работал в Краковской типографии корректором).

Я стал листать так называемую «пьесу», персонажи которой говорили о том, что им не нужны «эти азиатско-русские классики» — Пушкин, Лермонтов, Толстой. «Толстой никому не нужен. Мы принадлежим к Европе и культуру будем брать у Европы», — безапелляционно заявляет героиня этого «произведения».

Прислушиваясь, как хлещут потоки дождя, сбегая по рыннам с черепичной крыши «Корабля», Галан сказал мне тогда задумчиво: — Вы понимаете, какие «подснежники» выросли на почве, унавоженной ядовитым желто-блукитным украинским национализмом? Сперва замахиваются на гениального Льва Толстого, на русскую культуру, а завтра, дайте только им волю, они с ножами пойдут резать всех...

Наступил вечер. Взошла луна. Мы легли спать. Повернувшись ко мне, Галан спросил:

— А приходилось вам, дружка, читать так называемые «Исторические повести», — и тут Галан назвал фамилию, которую, да простит меня читатель, я с годами запомнил. Помню только, что не читал ничего из творений того автора. И признался в этом чистосердечно:

— Нет, к сожалению, не читал.

— Именно «к сожалению», — иронически заметил Ярослав Галан. — Каждый литератор, который борется или пытается бороться своим пером с украинским буржуазным национализмом, должен, пересиливая отвращение, заставить себя прочесть и этот «исторический» мотлох. Чтобы бить врага, надо знать его. Если вам когда-либо полагается любая из этих книг, обратите внимание на первые страницы. На титуле, внизу — «Українська наглядня. Київ—Ляйпціг», а выше стыдливая, мало заметная «Printed in Germany». Это значит, что вся эта националистическая стряпня, написанная в духе популяр-

ных романов и отвращающая души читателей, не умеющих самостоятельно разбираться в событиях истории, отправляемая большими партиями в Галицию, печаталась без содействия фашистских деятелей, немецких разведывательных органов. Она прямо содействовала идеологической подготовке военных планов «Дранг нах Остен»...

Помнится, Галан рассказал тогда, что автор этих «повестей» — сын униатского священника.

— Кстати сказать, очень типичное явление для украинского национализма и его вожаков, — подчеркнул Ярослав Александрович. — Большинство из них с юности воспитаны в сытой, церковной среде, прошли школу обмена «настыв» с помощью слова.

В соседнюю стенку постукали. По-видимому, кому-то своим затянущимся ночным разговором мы помешали спать.

— Давайте спать, дружка, — сказал Галан. — Завтра надо встать пораньше и собраться...

После обеда мы уезжали. Галан первым взобрался на открытый грузовик и стоял там наверху, расчесывая гребенкой густые светлые волосы, падающие на его высокий умный лоб и еще не просохшие от последнего купания в теплом Черном море. Внизу, у бортов грузовика, нас провожали друзья. Все провожающие заперли традиционную отъездную Коктебельскую...

Под ее звуки машина вырвалась на шоссе, чтобы потом повернуть налево, мимо Старого Крыма, к Симферопольскому аэропорту. Вскоре по обеим сторонам дороги зааели кусты кизила, шиповника, боярышника.

Сидя на скамейке, Галан вдруг сказал, обращаясь ко мне:

— Як він поживає там без нас, коханый Львів?

Какая-то тоска звучала в его мягком, спокойном голосе...

Спустя годы писатель Леонид Кудреватых рассказал мне, что в пятой книжке «Альманаха», вышедшей в 1950 году, уже после гибели Галана, были напечатаны его памфлеты. С ними познакомился Александр Фадеев, руководивший тогда Союзом писателей.

— Что вы скромничаете! — сказал он Леониду Кудреватых. — Памфлетами Галана вы ударили по врагам, можно сказать, залпом из сотен «катюш». А молчите! Оформляйте материал на выдвижение Галана на Сталинскую премию. Действуйте совместно с секцией очеркистов. А мы поддержим.

— Мы охотно поддержали высказанное пожелание, — рассказывал Кудреватых, — как положено, оформили всю документацию. В 1952 году Ярославу Галану за памфлеты, которые в «Литературной энциклопедии» названы «вершиной творчества» писателя, посмертно была присуждена Сталинская премия.

Снова перечитываю (в который раз!) произведения Ярослава Галана и снова прихожу к мысли, что они, как нержавеющее оружие, как и при его жизни, по-прежнему современны. Смотрите, что сказано в постановлении ЦК КПСС к 60-летию СССР: «...учитывая, что национализм является одним из главных средств в подрывной деятельности империализма против реального социализма, необходимо вести последовательную, наступательную борьбу с попытками разжечь националистические предрассудки у отдельных людей, решительно выступать против любых отклонений от ленинских принципов национальной политики...».

В этом деле надежное наше подспорье и оружие — произведения Ярослава Галана.

Владимир БЕЛЯЕВ.